

ная форма семьи с отцом и дедом во главе обладала и некоторыми особенностями братской семьи, если учесть ее демократическую природу в сфере имущественно-правовых взаимоотношений. Представляется необходимым уточнить критерии для выделения различных исторических форм семьи.

Процесс полной демократизации адыгской семьи в рассматриваемой работе справедливо увязан с установлением советской власти и общими социально-культурными переменами в стране. Уделяя большое внимание проблеме эмансипации женщин, автор отнюдь не вступает в противоречие с утвердившейся в советской науке упрощенной схемой вопроса о главенстве в семье. Реально оценивая огромное значение освобождения женщин от векового приниженного положения в семье, многие, в том числе и ведущие советские исследователи, придерживаются определенного стереотипа, согласно которому высшая степень демократизации в современной семье, особенно у отсталых в прошлом в социально-экономическом отношении народов, будто бы проявляется в возведении женщин в ранг главы семьи. Нам кажется, что решающим фактором в данном случае является не столько обязательное главенство женщины в семье, сколько те имущественно-правовые и морально-этические нормы жизни, которые утвердились именно в процессе социалистического преобразования в быту и культуре. Излишне пропагандистский подход к данной проблеме в конце концов породил неоправданную тенденцию. Как известно, в настоящее время ученые — социологи, юристы, медики, психологи часто приходят к заключению о необходимости укрепления авторитета отца и главы семьи, поскольку это имеет большое значение в воспитании подрастающего поколения. Быть может, искусственное повышение прав и функций женщины в семье сыграло отрицательную роль не только в семейном, но и школьном воспитании. И действительно, ученые — педагоги и психологи все чаще увязывают причину трудностей учебно-воспитательного процесса с резким сокращением мужчин среди школьных педагогов. В таких условиях, нам думается, что и этнографам следует глубже обосновывать исторический процесс развития и становления равноправных начал у мужчин и женщин в семье, а также дальнейшие тенденции эволюции этого социального феномена.

Таковы основные замечания, которые возникли при ознакомлении с рецензируемой работой. Думаем, они не умаляют ее научной ценности. Обзор представленных вопросов показал, что автор успешно решил научную проблему генезиса и развития семьи и брака у адыгских народов, имеющую большое значение не только с точки зрения региональных исследований, но и для общетеоретических исследований и понимания социальной организации народов Кавказа и других горных областей мира.

В. М. Шамиладзе, Н. В. Мгеладзе

А. С. Фядосік. *Беларуская савецкая фалькларыстыка.* Мінск, 1987. 350 с.

Исследование истории фольклористики каждой советской социалистической республики не только представляет большой общественный интерес, но и является неременным и важным условием успешного развития этой научной дисциплины. Оно дает возможность правильно оценить достигнутое, выявить пробелы и ошибки в изучении отдельных проблем, определить наиболее актуальные задачи научной работы на ближайший период и более отдаленную перспективу. Историю белорусской советской фольклористики раньше изучали мало. Она освещалась фрагментарно, рассматривалась преимущественно только в очерках по истории исследования отдельных фольклорных жанров или наряду с другими вопросами кратко излагалась в главах учебных пособий и обобщающих трудов о белорусском фольклоре. Воссоздание цельной картины изучения в советский период всех жанров белорусского фольклора в качестве самостоятельной научной проблемы предпринято лишь автором рецензируемой книги.

Следует сразу же отметить, что эта книга — своеобразное явление в историографической литературе о белорусском фольклоре. Автор придерживается концепции, согласно которой в понятие фольклора включается не только словесное, но и музыкальное, и хореографическое народное творчество, а также народный театр. Такое понимание предмета исследования заслуживает одобрения. Оно удовлетворяет более высоким требованиям современной науки о всестороннем изучении явлений: многие произведения словесного народного творчества тесно связаны с музыкальным фольклором, народной хореографией, народным театром. Оно также соответствует тенденции сближения смежных наук, установлению более тесных связей между ними.

Своеобразна и структура рецензируемой книги. Если первая, вторая и четвертая главы выделены по хронологическому принципу, в них рассматривается развитие фольклористики в довоенный (главы 1, 2) и послевоенный периоды (глава 4), то третья — по тематическому. В ней анализируются исследования военного и послевоенного периода о партизанском фольклоре. Последнее вполне оправдано. Партизанский фольклор — явление необычайно важное в духовной культуре белорусского народа, требующее самого тщательного и глубокого изучения. Но в таком случае название четвертой главы «Послевоенная и современная фольклористика» не точно. Партизанский фольклор изучался в основном в послевоенный период, а современная фольклористика в широком смысле слова также относится к послевоенному периоду. Очевидно, проблема периодизации истории белорусской советской фольклористики, особенно послевоенного периода, заслуживает более детальной разработки.

Одно из достоинств рецензируемой книги состоит в том, что в ней тщательно прослежен процесс становления белорусской советской фольклористики, утверждение в этой отрасли науки

марксистского метода. Этим вопросам посвящены первая и вторая главы монографии (с. 10—121). В первой главе (с. 10—83) рассматриваются исследования белорусских фольклористов в 1920-е годы, а во второй (с. 84—147) — публикации 1930-х годов. Автору удалось хорошо показать преемственность развития белорусской фольклористики в 1920—1930-е годы. Известно, что лучшие представители национальной демократической интеллигенции (Е. Ф. Карский, А. К. Сержпутовский, И. А. Сербов и др.) продолжали в этот период интенсивно изучать белорусский фольклор. Наиболее крупные фольклористы, в частности выдающиеся деятели белорусской культуры Я. Купала и Я. Колас, в первые десятилетия советской власти постепенно перешли на пролетарские позиции, восприняли марксистское мировоззрение, усвоили диалектико-материалистический метод. Убедительно продемонстрирован автором марксистский характер фольклористических работ 1930-х годов.

Достоинством монографии следует считать также то, что А. С. Федосик не упрощает процесс становления белорусской марксистской фольклористики. Он обращает внимание не только на успехи белорусской фольклористики 1920—1930-х годов. Автор рассматривает также ошибки, допущенные исследователями белорусского фольклора в этот период. Некоторые фольклористы (Е. Ф. Карский, З. Бядуля, А. Шлюбский) в ряде своих работ, написанных в 1920-е годы, в частности посвященных праздникам и обрядам, не смогли полностью освободиться от идеалистической методологии. С другой стороны, в отдельных фольклорных работах ученых, утверждавших марксистский метод (С. И. Василенок, Н. М. Никольский), особенно в начале 1930-х годов, наряду с наличием верных установок, положений, выводов А. С. Федосик отмечает и встречающиеся элементы социологизма, схематизма.

Как уже говорилось, автор стремится охарактеризовать не только литературу о словесном народном творчестве, но и работы о тесно связанных с ним — народной музыке, народной хореографии, народном театре. Это, бесспорно, ново и интересно. Правда, в этом обзоре не указана ценная работа Н. Привалова¹, положившая начало изучению белорусских народных музыкальных инструментов, а также известная статья З. Эвальд «Социальное переосмысление жнивных песен Белорусского Полесья», первоначально опубликованная в журнале «Советская этнография» (1934, № 5), и статья К. Квитки «Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен», напечатанная в подготовленном З. Эвальд сборнике «Белорусские народные песни»². Эти статьи представляют большой интерес с методологической и методической точек зрения. Не указана в обзоре также вышедшая в начале 40-х годов работа В. Беляева «Белорусская народная музыка»³.

Стремление автора всесторонне осветить становление белорусской советской фольклористики выразилось также в том, что он внимательно рассмотрел условия ее формирования, сложившиеся в это время благоприятные социально-экономические, политические и организационные факторы развития этой науки, создание в республике научных учреждений, способствовавших прогрессу белорусской фольклористики. В первых двух главах А. С. Федосик отмечает такие особенности развития белорусской советской фольклористики в 1920—1930-е годы, как тесная связь фольклористики и этнографии. Ряд фольклористов этого периода, например Н. М. Никольский, М. Я. Гринблат, И. А. Сербов, были в равной мере и этнографами. Фольклористы и этнографы были объединены и организационно, работали в АН БССР в одном секторе (этнографии и фольклора). Нельзя не видеть, что эта связь была плодотворной. Проводились комплексные экспедиции, издавались совместные труды. Усилиями фольклористов и этнографов был создан богатый архив, который, к сожалению, был уничтожен фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны.

В главе 3 монографии (с. 122—147) хорошо показаны достижения белорусских фольклористов в изучении партизанского фольклора, выяснено значение работ многих ученых (И. В. Гуророва, В. Я. Гусева, М. Я. Гринבלата, Л. С. Мухаринской), занимавшихся исследованием фольклора периода Великой Отечественной войны. Написанное в этой главе справедливо было бы дополнить упоминанием о том, что устному народному творчеству периода Великой Отечественной войны посвятил специальное исследование и сам автор⁴. В нем наряду с традиционными проблемами (анализ тематики произведений, выявление их социального содержания и др.) показано важное значение народной сатиры в партизанском фольклоре, ее роль в идейной борьбе того времени. Возможно, было бы полезно написать в этой главе и об участии белорусских фольклористов в современных научных конференциях, посвященных победе советского народа в Великой Отечественной войне, о фольклористической тематике этих конференций⁵.

Богата содержанием, оценками и выводами глава 4, в которой рассмотрены все основные вопросы развития белорусской советской фольклористики в послевоенный период, за исключением партизанского фольклора (ему посвящена, как уже отмечено, глава 3). 4-я глава и самая большая по объему. Она составляет большую часть монографии (с. 149—339), что вполне оправданно. Именно в это время белорусская советская фольклористика наиболее интенсивно развивалась и достигла самых значительных результатов. Содержательно освещена в главе 4 деятельность крупнейших белорусских фольклористов послевоенного периода П. Ф. Глебки, Н. С. Гилевича, К. П. Кабашникова, своей творческой работой внесших весомый вклад в науку и духовную культуру белорусского народа. Научная деятельность других исследователей словесного народного творчества — Г. А. Барташевич, А. И. Гурского, А. С. Лиса, Л. А. Малаш, Л. М. Соловей, И. К. Тищенко, да и самого автора, освещена не так полно. Вероятно, это обусловлено ограниченным объемом книги. Создание творческих портретов этих ученых, удостоенных, как и сам автор, а также К. П. Кабашников, Государственной премии БССР за успехи в изучении белорусского фольклора, надо полагать, — одна из тем будущих историографических исследований. Этот не-

достаток в известной степени восполняется основательной характеристикой их коллективного труда (в создании которого активно участвовал К. П. Кабашников, а также автор) — 30-томного издания белорусского фольклора (с. 209—233), главного достижения белорусской советской фольклористики 1970—1980-х годов. А. С. Федосик доверительно знакомит читателя с трудностями, которые стояли перед авторским коллективом в период подготовки этого большого издания, показывает плодотворность научных творческих связей белорусских фольклористов с фольклористами других союзных республик, особенно РСФСР и УССР, подчеркивает значение теоретических работ видных русских советских фольклористов В. Я. Проппа, П. Г. Богатырева, К. В. Чистова, В. И. Чичерова, М. И. Азадовского, Б. М. и Ю. М. Соколовых и др., которые помогли белорусским фольклористам преодолеть эти трудности, систематизировать громадный фактический материал. А. С. Федосик отмечает творческий характер работы белорусских фольклористов, в частности успешное решение ими такого важного вопроса, как классификация фольклорных произведений, включенных в 30-томное издание. В разработанной белорусскими учеными классификации учтена специфика белорусского фольклора, в частности широкое распространение богатых содержанием воловчбных и родинных песен. Хорошо показано автором значение 30-томного издания, которое стало знаменательным явлением национальной культуры и, несомненно, окажет положительное влияние на дальнейшее развитие всех наук о белорусском народном творчестве.

В главе 4 более полно, чем в предыдущих главах, охарактеризована деятельность фольклористов, изучавших музыкальное народное творчество. Несомненной удачей автора следует считать созданные им творческие портреты Н. А. Чуркина, Г. Р. Ширмы, Г. И. Цитовича (с. 153—181). По достоинству оценил А. С. Федосик участие ряда исследователей белорусской народной музыки (В. И. Елатова, З. Я. Можейко, Г. В. Тавлай и др.) в подготовке 30-томного издания белорусского фольклора. Он обращает также внимание и на специальные монографические исследования о белорусском музыкальном и хореографическом народном творчестве, народном театре. Обстоятельно проанализированы им книги З. Я. Можейко и Л. С. Мухаринской о народной музыке. К сожалению, обзор монографических работ некоторых ученых (В. И. Елатов, И. Д. Назина, Ю. И. Чурко) весьма краток. В этом обзоре почему-то не указана интересная книга В. И. Елатова «Песни восточнославянской общности» (1977 г.), а также ценное исследование русского советского фольклориста И. И. Земцовского «Мелодика календарных песен» (1975 г.), в котором, в частности, анализируется мелодика воловчбных песен.

Характерная черта рецензируемой книги — ее многоплановость. В ней проанализированы различные, но взаимосвязанные стороны фольклористики. Автор рассмотрел в своем труде также изучение фольклористами и литературоведами чрезвычайно важной проблемы взаимосвязи фольклора и профессиональной литературы (с. 328—339). Следует сказать, что правильное теоретическое решение этой проблемы важно не только для фольклористики и литературоведения, но и для многих других наук, изучающих культуру, в том числе, конечно, и для этнографии. Ведь речь идет по существу о взаимосвязи профессиональной и непрофессиональной (народной) культуры, определяющей основное направление их развития. Исследование учеными взаимосвязи фольклора и профессиональной литературы изложено автором весьма интересно, и в известной мере дискуссионно. Отметив достижения в исследовании этой проблемы в трудах Н. М. Гринчика, А. Макаревича, И. М. Шот, автор правомерно подверг критике ошибочные утверждения, встречающиеся в работах П. Охрименко и В. Коваленко. А. С. Федосик обоснованно выступил против упрощенного толкования взаимосвязи фольклора и профессиональной литературы как только заимствования последней фольклорных выражений, цитат и т. п. Он совершенно правильно указывает, что для профессиональной литературы важны не столько фольклорные выражения, сколько, и главным образом, способы художественного мышления, используемые в фольклоре поэтические средства. Думается, прав автор и в споре с В. Коваленко, который отрицает развитие фольклора, представляя его почти неизменным со времени общинно-родового строя. А. С. Федосик убедительно доказал несостоятельность этого тезиса. Он подчеркнул также актуальность изучения многообразного воздействия профессиональной литературы на фольклор.

А. С. Федосик ясно видит связь советской фольклористики с демократическим наследием дореволюционного периода и достижения белорусской советской фольклористики. Начав книгу с краткой характеристики демократического наследия дореволюционного периода и проанализировав затем развитие науки в различные периоды советской эпохи, автор заканчивает монографию обсуждением вопроса о современных задачах белорусской фольклористики. Можно вполне согласиться с выводом автора, что накопленный белорусскими фольклористами в советскую эпоху научный опыт, достигнутый ими теоретический уровень делает возможным постановку и решение более трудных научных задач, в частности изучение генезиса основных жанров, всесторонних связей белорусского фольклора с фольклором других славянских народов, углубленный анализ современных фольклорных процессов.

Выход рецензируемой книги весьма своевременен. Она тесно связана с нынешним этапом развития советского общества, удовлетворяет насущную потребность подведения итогов, критической оценки пути, пройденного белорусской советской фольклористикой, определения задач на ближайшее будущее и более отдаленную перспективу.

М. Ф. Пилипенко

Примечания

- ¹ Прывалау Н. Народныя музычныя шструменты Беларусі. Мшск, 1928.
- ² Песни народов СССР: Белорусские народные песни. М.; Л., 1941.
- ³ Беляев В. Белорусская народная музыка. Л., 1941.
- ⁴ А. С. Фядосік. Народная паэзія барацьбы. Мінск, 1981.
- ⁵ См., например, «Вялікая Айчынная вайна ў фальклору і мастацтве Беларусі». Тэзісы дакладау канферэнцыі, прысвячанай 40-годдзю Перамогі, красавік 1985 г. Мінск, 1985.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

В. П. Смирнов. Франция: страна, люди, традиции. М.: Мысль, 1988, 286 с.

Изучению богатейшей истории и культуры Франции во всем мире посвятило себя не одно поколение историков. В СССР об этой стране ежегодно выходит по крайней мере несколько книг. Среди изданий 1988 г. особое место занимает работа профессора исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. П. Смирнова. Его книга — не изложение истории Франции, не исследование какой-либо важной исторической или политической проблемы страны, не очерк развития французской культуры. Она — о Франции в целом, о «французской цивилизации»: о славных страницах прошлого страны и ее современном положении; о знаменитой столице Франции и ее провинциях; о национальных и политических традициях; наконец, о самих французах, их образе мышления, жизни и проблемах. Рассмотренные в книге разнообразные сюжеты представляют большой интерес для всех исследователей, занимающихся Францией: историков, культурологов, этнографов.

Первая часть книги называется «Страна и люди». Она начинается с очерка истории французского народа. Автор показывает, какую большую роль на ранних этапах этнической истории страны сыграли галлы (кельты) и франки и как постепенно в процессе объединения Франция стала мощным консолидированным государством. Идея единства страны получила распространение еще в XV в.; тогда и вошли в употребление слова «нация» и «патриот» (с. 23).

В первой части работы В. П. Смирнов останавливается также на ключевых моментах истории французской культуры и указывает, что «специфика исторического развития Франции заключается в том, что на протяжении очень длительного времени она неизменно входила в группу наиболее цивилизованных и культурных стран, причем нередко играла ведущую роль в развитии европейской культуры» (с. 25). Некоторое внимание в книге уделяется региональным особенностям Франции. Отдельный раздел посвящен ее столице. Париж предстает перед нами во всем своем своеобразии, блеске и великолепии.

Завершается первая часть очень интересной главой, названной «Нация». Сначала автор дал небольшой очерк истории классов и сословий Франции, а затем попытался показать, что же собой представляет французская нация, французский национальный характер. «У каждой нации, — пишет В. П. Смирнов, — имеются представления о себе и о своих соседях. Как правило, они благоприятны для своей нации и критичны по отношению к другим, часто произвольны и противоречивы. Оставаясь глубоко субъективными и нередко не соответствуя действительности, такие оценки и самооценки все же представляют немалый интерес как факт общественной психологии и свидетельствуют исторически сложившихся взглядов» (с. 95). Автор подчеркивает, что чувство национальной гордости и любовь к своей родине сильны и благородны и служат психологической основой всех общенациональных действий. Но, к сожалению, на практике эти чувства нередко сочетаются с чувством превосходства над другими нациями, перерождаясь в национализм и даже шовинизм (с. 95). По существу, отмечает он, французам, как и многим другим народам, свойствен этноцентризм. «Суть его заключается в представлении о собственном этносе как о „центральном“, „высшем“ по сравнению со всеми остальными...»*. «Французы, — читаем у В. П. Смирнова, — долгое время считали себя „избранной нацией“, были уверены, что их воинские подвиги не имеют себе равных, что их образ жизни лучше, чем у других народов, что в области науки, культуры, искусства они опередили все остальное человечество и ведут его за собой» (с. 96). Такие франкоцентристские настроения пошли на убыль только после второй мировой войны.

Общеизвестно, какие длительные научные дискуссии ведутся в целом ряде гуманитарных дисциплин по определению «национального характера». Автор данной книги не ставил перед собой задачи внести свой вклад в эту широко обсуждаемую проблему. Но он собрал воедино представления о французах и их характере, которые чаще всего упоминаются в литературе. Сами французы считают главной чертой своего национального характера острый ум и рационализм, тяготение к ясной, точной, логичной, изящно сформулированной мысли (с. 100). Они также не без удовольствия признают, что в отличие, например, от немцев они недисциплинированны, своевольны, любят спорить, склонны к фронде и противодействию властям (с. 101). А в повседневной

* Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 25—26.